

Е. И. КРУТИЦКАЯ, Л. С. МИТРОФАНОВА

ПОСОЛ СОВЕТСКОГО СОЮЗА А. А. ТРОЯНОВСКИЙ

Имя Александра Антоновича Трояновского тесно связано с историей российского революционного движения, а также с историей советской дипломатии. Он смело порвал со своим классом, испытал трудности подпольной борьбы, тяготы тюремной и ссыльной жизни. Около пяти лет А. А. Трояновский провел в эмиграции. Став крупным советским дипломатом, Трояновский сделал значительный вклад в развитие советско-японских и советско-американских отношений. Страстный пропагандист ленинских принципов советской внешней политики, вдумчивый воспитатель молодого поколения дипломатических работников, человек, обладавший огромной энергией и работоспособностью, наделенный редким даром убеждения, отличавшийся большой искренностью и честностью, — таким запомнился А. А. Трояновский всем, кто с ним общался.

НАЧАЛО ПУТИ

А. А. Трояновский родился 2 января 1882 г. в Туле в семье мелкопоместного дворянина, кадрового военного. Он окончил Воронежский кадетский корпус, а затем — Михайловское артиллерийское училище. Учился охотно, увлекался литературой, естественными науками, изучением иностранных языков. 21 года Александр вышел из училища в чине подпоручика и был направлен в 33-ю артиллерийскую бригаду Киевского военного округа.

Природная любознательность и жажда знаний привели его на физико-математический факультет Киевского университета, куда он поступил вольнослушателем. Здесь он сблизился со студентами, посещавшими марксистские кружки, стал принимать участие в нелегальных собраниях, страстно увлекся политикой и изучением экономических вопросов. Перед ним открывалась дверь в мир совсем иной, чем тот, в котором он жил до сих пор. В 1904 г. Трояновский вступил в ряды РСДРП.

На Дальнем Востоке в это время шла русско-японская война. В стране обострились до предела экономические и политические противоречия. Среди крестьянства росло недовольство, студенты выступали с протестами против войны и произвола властей, стачки рабочих принимали все более организованный и продолжительный характер. В России назревала революционная ситуация. Большевики сплачивали массы, учили их новым формам борьбы с самодержавием, готовили их к революции.

В апреле 1905 г. Трояновского направили в Харбин в артиллерийский запас. Часто выезжая на передовые позиции, он вилотную сталкивался с трагической действительностью войны, с предательством царского правительства и незавидной судьбой солдат, сражавшихся за «веру, царя и отечество». Он принимал активное участие в составлении и распространении большевистских листовок и прокламаций к солдатам.

5 сентября 1905 г. был подписан Портсмутский мирный договор, закрепивший поражение царского правительства в войне. В октябре 1905 г. Трояновского прикомандировали к 4-му сибирскому артиллерийскому дивизиону, расквартированному в Иркутске.

А по всей России катились волны революции. Всеобщие забастовки рабочих и служащих железных дорог, заводов, фабрик и мастерских переходили в открытые вооруженные восстания. В письмах из Киева сообщалось о политических митингах в университете и Политехническом институте, где у Александра было много друзей. Страну охватило революционное движение небывалого размаха.

Революция 1905 г. была жестоко подавлена царским правительством. Усилились репрессии против любых выступлений народа за свои права. В июле 1906 г. после разгона правительством I Государственной думы был сформирован реакционный кабинет во главе со Столыпиным. Наступили черные дни России.

Трояновский понял, что, находясь в армии, он не сможет идти тем путем, который он выбрал в 1904 г. И он принял решение.

РАПОРТ

В приемную командира 4-го сибирского артиллерийского дивизиона вошел невысокий подтянутый молодой поручик.

Несмотря на июльский день, в комнате было сумрачно и прохладно. Тяжелые бархатные шторы почти закрывали окна. Адъютант командира сидел за столом и что-то писал.

— Поручик Трояновский... — начал вошедший.

Адъютант взглянул мельком и невыразительно бросил:

— Его превосходительство еще не приходили.

— Прошу передать это, как придет, — сказал посетитель и протянул адъютанту пакет.

В это время вошел командир дивизиона. Адъютант вскочил и, открывая дверь в кабинет, сказал скучным голосом:

— Пакет от поручика. Прикажете представить?

Командир небрежно взглянул на Трояновского и пригласил в свой кабинет.

Там было светлее и просторнее, чем в приемной. Прямо против двери стоял большой стол, на котором не было ничего, кроме массивной хрустальной чернильницы с бронзовой крышечкой в виде колокола. Над столом со стены нависал в тяжелой золоченой раме портрет Николая II. Открывая пакет, командир молча показал Трояновскому на стул, но тот не сел. Он спокойно смотрел, как командир, пробежав глазами извлеченную из пакета бумагу, вдруг побагровел, крикнул и бросил ее на стол. Перед ним был рапорт поручика Трояновского, в котором говорилось:

«Вслед за роспуском Государственной думы армия может быть брошена против народа для подавления в небывалых еще размерах силою оружия его стремления к лучшим формам государственной и общественной жизни, тогда как сама армия содержится на средства, собираемые с народа, для него существует и интересам его только должна служить.

Считая унижительным для своего достоинства, противным чести, совести и долгу перед родиной находиться при таких условиях в рядах армии, прошу ходатайства об увольнении меня от службы.

Хотя за пребывание в артиллерийском училище и остается прослужить еще полтора года, но я полагаю, что пребывание на военной службе офицера, убеждения которого отличаются от преобладавших до сих пор в армии и который далеко не гордится этой службой, вряд ли может быть желательным, проводить же свои убеждения в жизнь, пользуясь своей службой, я не имею возможности»¹.

К рапорту было приложено «прошение» на имя Николая II, где Трояновский писал, что «велеие совести» лишает его возможности «при современных условиях и роли, какую играет в настоящее время армия» в русском государстве, продолжать службу и просил принять его отставку.

Некоторое время царил молчание.

— Что это такое, господин поручик? — выдавил наконец командир.

— Рапорт, ваше превосходительство.

— Но в столь неприличных для офицера и дворянина выражениях?! И мысли, выходящие за рамки дозволенного... Это бунтарство! Вы отдаете себе отчет...

¹ ЦГИА УССР, ф. 316, оп. 1, д. 3Б449, л. 33.

— Вполне, ваше превосходительство, — спокойно ответил Трояновский, — рапорт написан мной совершенно сознательно, решение свое я продумал и оно бесповоротно.

Рапорт пошел по инстанциям: из дивизиона в артиллерийскую часть Омского военного округа, оттуда в главное артиллерийское управление, наконец, в военное министерство. Дерзкие слова «считая унизительным для своего достоинства» в министерстве не простили, и 14 сентября 1906 г. последовал приказ военного министра «об увольнении поручика Трояновского со службы и о предании его суду без производства предварительного следствия».

16 октября 1906 г. отставка Трояновского была принята «высочайшим указом». Ему было предложено вернуться в Киев, по месту постоянного жительства. 18 апреля 1907 г. Киевский военно-окружной суд вынес приговор о лишении «уволенного в отставку бывшего поручика Александра Трояновского» всех прав офицера в отставке². Отныне Трояновский становился «неблагонадежным».

ССЫЛКА И ЭМИГРАЦИЯ

В России свирепствовала реакция. Большевистские организации вынуждены были уйти в подполье. Но борьба продолжалась. Как бывшего военного, хорошо знавшего солдатскую среду и имевшего в Киевском гарнизоне значительные связи, Киевский комитет РСДРП направил Трояновского в военную организацию. Спустя некоторое время его перевели в Юго-Западное железнодорожное узловое бюро РСДРП, один из боевых отрядов киевской партийной организации. Здесь он встретился с Еленой Федоровной Розмирович, активной революционеркой, ставшей его женой.

В октябре 1908 г. А. А. Трояновский был арестован и по приговору суда сослан под Енисейск. В августе 1910 г. с помощью местных революционеров ему удалось совершить побег из ссылки и эмигрировать за границу. При этом не обошлось без приключений.

...К побегу готовились несколько месяцев. Наконец этот день наступил. Из города Трояновский выехал на коляске, будто на прогулку. Затем пересел в возок. Кучер был человеком молчаливым и мрачным, но дело свое знал хорошо. В лесу и болотах отыскивал пути, известные, казалось, только ему. Ночевали прямо в возке. До Красноярска добрались благополучно. По заранее сообщенному адресу получил билет на поезд, саквояж с одеждой. Заграничный паспорт ему должны были передать на пограничной станции. На чье имя паспорт и кто передаст документ, Трояновский не знал. Сказали только, что будут ждать его в станционном буфете.

От Красноярска до границы он ехал без документа. На больших станциях забирался под лавку, несколько раз переходил из вагона в вагон. Чтобы не вступать в разговоры с попутчиками, применил старый метод, которым пользовался еще в Киеве, — отчаянно заикался. Народ в третьем классе ехал простой, задавленный нуждой и заботами. Люди принимали Трояновского за безбилетного пассажира, которому нежелательны встречи с официальными лицами.

Переодевшись в станционном туалете, встал у буфетной стойки, пил чай и, казалось, равнодушно рассматривал бестолковую суету вокзала. На самом деле напряженно ждал. Ударил станционный колокол. Теперь нужно идти, чтобы не привлекать внимания явным ожиданием кого-то. Вышел на платформу. Публики в поезд садилось мало. Проводники стояли у вагонов равнодушные и безучастные. В конце платформы жандарм, заложив руки за спину, разговаривал с начальником станции. Дрогнуло сердце. Неужели пронюхали. А паспорта нет. Без него в поезд садиться нельзя и возвращаться в помещение вокзала тоже невозможно — в зале почти никого не осталось, сразу обратишь на себя внимание...

У самого плеча послышался почтительный голос:

— Господин Гайдамович, вам пакет.

Спокойно обернулся, взял сверток, нарочито громко сказал, чтобы слышал проводник ближайшего вагона:

— Что же это, батенька, с такой задержкой. Я, было, без пакета уехал. А дело коммерческое...

² ЦГИА УССР, ф. 316, оп. 1, д. 3Б449, л. 21.

Проходя по коридору вагона в свое купе, вскрыв пакет, переложил паспорт во внутренний боковой карман пальто. Поезд тронулся и стал быстро набирать скорость. Дверь вагона открылась, вошел офицер в пограничной форме.

— Ваши паспорта, господа.

Трояновский отдал свой документ офицеру. И тут он вдруг сообразил, что совершенно не запомнил фамилии, с которой к нему обратился посыльный, а посмотреть паспорт не было времени. «Как глупо,— подумал Трояновский,— ведь придется же назвать себя, когда будут возвращать документы». Надо было выходить из положения.

Александр Антонович направился прогуливающимся шагом в противоположный конец вагона. Встал у самого последнего окна. За ним только купе проводника и дверь. Офицер подошел к нему, держа в руке единственный оставшийся у него паспорт. Открыл его, посмотрел на Трояновского и, приложив руку к фуражке, сказал:

— Господин Гайдамович, ваш паспорт.

Итак, впереди Париж!

Париж в те годы был центром русской революционной эмиграции.

Здесь Трояновский поселился в небольшой квартирке на улице Валь де Грасс. Вскоре к нему приехала Елена Федоровна, тоже бежавшая из ссылки. Они быстро включились в работу парижской большевистской группы, выполняя задания главным образом по связям с Россией. В 1912 г. Трояновские переехали в Вену.

Четыре года в эмиграции были для Трояновского периодом напряженной партийной работы. Он нередко встречался в это время с В. И. Лениным и Н. К. Крупской, принимая участие в партийных конференциях, активно сотрудничая в журнале «Просвещение». В период первой мировой войны кое-кто из русских эмигрантов, не поняв сущности империалистической войны, встал вместе с меньшевиками на путь оборончества. Эти взгляды меньшевиков разделял некоторое время и Трояновский.

ПЕРВОЕ ДЕСЯТИЛЕТИЕ

После победы Великой Октябрьской социалистической революции А. А. Трояновский вернулся в Россию с одной из первых партий политэмигрантов. Правительство молодой Советской республики использовало его знания и опыт военного специалиста, и с 1918 по 1921 г. Трояновский служил в рядах Красной Армии в качестве заведующего учебной частью и преподавателя московской артиллерийской школы.

Гражданская война, слом старого государственного аппарата, саботаж ряда служащих, многократная ведомственная перестройка — все это сильно отразилось на судьбе русских архивов. Архивные документы нередко бросались на произвол судьбы, уничтожались и перепродавались скупщикам сырья. 1 июня 1918 г. В. И. Ленин подписал декрет Совета Народных Комиссаров РСФСР «О реорганизации и централизации архивного дела». Главное управление архивным делом РСФСР обратилось к ученым историкам, архивистам с призывом спасти от гибели русские архивы — национальное богатство. Трояновский сразу же откликнулся на этот призыв, и 14 июля 1919 г. коллегия наркомпроса РСФСР утвердила его заместителем заведующего Главного управления архивным делом. Кроме большой работы по организации архивного дела в центре, Трояновский проводил кропотливую работу по розыску и сбору архивных документов на обширной территории Советской республики.

Еще в конце эмиграции Трояновский разошелся с Розмирович и в 1919 г. женился на Нине Николаевне Поморской. В том же году у них родился сын Олег*.

В 1920 г. Трояновский недолго работал в наркомате рабоче-крестьянской инспекции. В 1921 г. Г. М. Кржижановский пригласил его работать в Государственной плановой комиссии, созданной по инициативе В. И. Ленина для организации дела планирования и наблюдения за осуществлением государственного плана.

10 мая 1924 г. СНК СССР назначил А. А. Трояновского членом коллегии наркомата внешней торговли СССР и председателем правления государственной торговой импортно-экспортной конторы. Здесь он вел большую работу, руководя операциями

* Ныне О. А. Трояновский видный советский дипломат, посол СССР в Японии.

Госторга, не раз выезжал в зарубежные командировки для переговоров с иностранными торговыми фирмами. Был членом редколлегии издательства наркомвнешторга, писал статьи по экономическим и торговым вопросам.

Когда в 1927 г. встал вопрос о назначении нового полпреда СССР в Японию, выбор пал на А. А. Трояновского. Народный комиссар иностранных дел СССР Г. В. Черян писал в связи с этим в правительство, что от посла в Японии, стране «самой тонкой в мире дипломатии», требуются глубокие знания экономических и политических вопросов, размах мысли и действий в сочетании с большой политической зрелостью, умением защищать интересы своей родины. А. А. Трояновский отвечал всем этим требованиям, и 16 ноября 1927 г. правительство СССР назначило его полномочным представителем Советского государства в Японии.

В СТРАНЕ ВОСХОДЯЩЕГО СОЛНЦА

3 января 1928 г. с перрона Ярославского вокзала представители НКВД СССР, друзья и близкие, японский посол в Москве Танака проводили Трояновского, отбывшего на дипломатическую службу в Японию.

На пограничной китайской станции Маньчжурия вагон, в котором находился советский полпред, атаковали японские журналисты.

Я с большим желанием и интересом еду в Японию в качестве полпреда Советского Союза, — сказал журналистам Трояновский. — Экономическое развитие Японии и рост народного хозяйства СССР выдвигают необходимость усиления наших экономических взаимоотношений и урегулирования их путем заключения торгового договора... Я пользуюсь случаем, чтобы послать через прессу свой первый привет японскому народу, и твердо верю, что дружба между СССР и Японией, в которой заинтересованы обе наши страны, будет в дальнейшем крепнуть и развиваться.

Интервью с советским полпредом было помещено на следующий день во всех японских газетах.

Япония — страна, в которой этикет и правила церемониала соблюдаются чрезвычайно строго. До вручения верительных грамот Трояновский занес протокольный визит премьер-министру Танака. Улыбки, поклоны, опять улыбки. Но за толстыми стеклами очков — хитрые пронизательные глаза японского политика. Затем церемониймейстер дворца ознакомил Трояновского с процедурой вручения верительных грамот и целой наукой о поклонах при встрече с главой государства: поклон при входе в зал приема, поклон посредине зала, поклон перед тем, как император протянет руку для пожатия, три поклона по окончании аудиенции, причем выходить из зала следовало не поворачиваясь спиной к императору.

1 февраля 1928 г. к полпредству прибыл взвод гвардейской кавалерии и были поданы четыре кареты — парадная для полпреда, в других разместились сотрудники полпредства.

В сопровождении почетного эскорта процессия направилась к императорскому дворцу. Движение по улицам следования было приостановлено. Под звуки фанфар процессия медленно въехала на территорию дворца, и советского представителя провели в большую приемную, декорированную экранами с замечательной японской вышивкой.

Через десять минут Трояновского пригласили к императору. Он выглядел болезненно, и нервный тик то и дело передергивал его лицо. Трояновский произнес традиционную речь, вручил ему верительные грамоты и отзывные грамоты своего предшественника. Затем императору были представлены члены советского полпредства. Церемония проходила без заминки, медленно и торжественно. Возвращались домой в тех же каретах, но уже без гвардейского эскорта.

Перед советским полпредом в Японии стояли трудные задачи. В решении XV съезда ВКП (б), в работе которого принимал участие Трояновский, указывалось, что политика буржуазных государств, «несмотря на ряд внутренних противоречий между государствами и отдельными группами буржуазии, затрудняющих пока создание единого капиталистического фронта, становится все более и более враждебной по отношению к СССР и создает прямую угрозу империалистического нападения извне»³.

³ «КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК», изд. 7, ч. II. М., 1953, стр. 315.

Среди военачальников японской армии, в придворных кругах, в верхней палате и среди ультраправого крыла членов нижней палаты парламента были те, кто считал возобновление советско-японских отношений поражением японской дипломатии, а ведение агрессивной политики в отношении СССР необходимостью. Эти группировки поддерживались теми концернами, которые нажились во время первой мировой войны и оказались в трудном положении во время спада японской промышленности, начавшегося в конце 1926 г. Наиболее воинственные из них мечтали завоевать мир и в первую очередь Китай, начав с захвата Северной Маньчжурии. Тогдашние правящие круги Японии не отозвались на предложение Советского Союза приступить к переговорам о заключении пакта о ненападении, сделанное в 1926 г.

Советскому полпреду предстояло добиваться, чтобы отношения между СССР и Японией носили прочный характер, были основаны на договорных началах, на принципах мирного сосуществования и исключали какие-либо агрессивные действия со стороны японского милитаризма.

БЕСЕДА С ГИИТИ ТАНАКА

Более месяца отняли протокольные мероприятия, визиты, приемы, беседы. Расширился круг знакомых, деловых и дружеских связей. Чрезвычайно помогало Трояновскому при налаживании контактов прекрасное знание иностранных языков, врожденное чувство юмора, личное обаяние.

Долго не получалась беседа «по-серьезному» с премьер-министром и министром иностранных дел Гиити Танака. На предложения Трояновского встретиться хитрый японец, присматриваясь к советскому полпреду, тянул время и бормотал о своем нежелании «вызывать ревность» других послов, поскольку с ними он встречался не очень-то часто.

Но 8 марта 1928 г. премьер-министр сам явился в полпредство, пришел пешком, «запросто», как он сказал, чтобы «не придавать визиту официальный характер». Танака неплохо знал русский язык. Еще в 1919 г. в чине генерала он принимал участие в японской интервенции на Дальнем Востоке. Он охотно говорил по-русски, но в деловых беседах переходил на японский язык и прибегал к помощи переводчика. По тому, что Танака, хотя и «запросто», но пришел с переводчиком, Александр Антонович понял, что разговор будет серьезный. И действительно, Танака сразу заявил, что хотел бы поговорить открыто и конфиденциально о советско-японских отношениях.

Александр Антонович пригласил гостя в столовую, где угостил блинами и русской водкой. За столом советский посол высказал опасения относительно истинных планов правящих кругов Японии в отношении СССР, напомнив, что сам Танака давал в свое время поводы для этого. Приходится задумываться о перспективах японской политики на Дальнем Востоке.

Танака отдавал должное и блинам и водке и в то же время внимательно слушал. Затем, положив нож и вилку, глядя на Трояновского с неизменной улыбкой, попытался заверить его, что Япония и не мыслит нападения на СССР, «если именно это имеет в виду господин полпред».

— Да, конечно, — ответил «господин полпред», — я несколько не сомневаюсь в том, что у японского правительства не может быть каких-либо захватнических планов не только потому, что осуществление их привело бы к борьбе не на жизнь а на смерть, но и потому, что исход этой борьбы не вызывает сомнений, поскольку русские, как известно, могут за себя постоять, несмотря на мощь и силу японской армии.

Танака поморщился, но возражать не стал. После обеда перешли в гостиную, где был подан чай. Александр Антонович поинтересовался, как обстоит дело с ратификацией недавно подписанной советско-японской рыболовной конвенции. Из уклончивого ответа премьера он понял, что надо вооружиться терпением. Спросил, не пришла ли пора поговорить относительно заключения между СССР и Японией пакта о ненападении. Смотря в открытое окно и растягивая слова, Танака ответил, что «для этого еще не пришло время. События должны развиваться постепенно».

«ОПАСНАЯ ЛИЧНОСТЬ»

Приезд Трояновского в Токио совпал с роспуском парламента. В стране впервые проходили выборы на основе закона о всеобщем избирательном праве. Коммунисты выдвинули своих кандидатов по списку рабоче-крестьянской партии. В результате выборов рабочие партии получили восемь мест в парламенте, что обеспокоило и настоятельно правительство. Были проведены массовые аресты лиц, заподозренных в связях с компартией. Газеты писали о «дьявольской руке красной России». Имели место открытые выходки против советского полпредства и его руководителя.

В один из мартовских вечеров в саду полпредства взорвалась самодельная бомба. На дереве книжалом был приколот белый шелковый платок, на котором за подписью фашистской организации «Лига крови» было выписано иероглифами требование, чтобы советский представитель немедленно покинул страну. На улице перед полпредством были разбросаны листовки. «Изгоняйте русского посла — источник большевистской пропаганды... Немедленно изгоняйте нынешнего русского посла! Порывайте дипломатические отношения между Японией и Россией!»⁴.

На заявление представительства о случившемся секретарь министерства иностранных дел Японии Киси от имени премьер-министра и министра иностранных дел Танака просил передать полпреду сожаление в связи с выходкой «неизвестных», а на следующий день заместитель Танака — Дэбути еще раз выразил сожаление по поводу этого события. Несмотря на это, фашистские организации продолжали беспрепятственно распространять свои прокламации, призывавшие «содействовать изгнанию из пределов Японии коммунистов красной России». Некоторые газеты и политические деятели, противившиеся сближению с Советским Союзом, называли Трояновского «опасной личностью».

Советские дипломаты не поддавались на эти провокации, ритм их повседневной работы не нарушался. Однако местная публика, напуганная арестами «за связь с коммунистами», перестала посещать представительство, избегала встреч и бесед с советскими дипломатами. Полпредство на некоторое время оказалось в изоляции. Однако спокойствие и выдержка советских дипломатов выбивали почву из-под ног фашиствующих элементов. Антисоветская кампания постепенно сошла на нет. И только тогда Танака официально высказался против обострения дипломатических отношений между Японией и Советским Союзом. В знак «особого расположения» он прислал Трояновскому в подарок трех редких птиц — японских журавлей.

Между тем здоровье Александра Антоновича, подорванное уже в ссылке и за годы эмиграции, значительно ухудшилось. Весь июнь шли проливные дожди, а потом наступило лето и влага начала интенсивно испаряться. Трудно стало дышать. Изматывала бессонница. Трояновскому был предоставлен отпуск, который он решил использовать для поездки по Японии, чтобы поближе познакомиться со страной. Путешествуя, он воочию увидел контрасты тогдашней Японии: современные города и господство феодальных пережитков в деревне, новейшие машины и ручной труд почти первобытными орудиями труда. Деревни поражали убожеством и нуждой. Деревянные хижины с соломенными крышами. Дороги плохие, земля неплодородная. Но при этом невероятное трудолюбие крестьян, тщательное возделывание участков земли, остроумные системы орошения. Правы были русские путешественники, которые, побывав в Японии еще в конце прошлого века, писали, что каждый должен свить шапку и отвесить низкий поклон перед энергичней и трудолюбивей японских крестьян. Поездка много дала Трояновскому для понимания особенностей страны Восходящего Солнца.

«ДРУЖБА ИЛИ ВРАЖДА»

На рубеже 20-х и 30-х годов усилилась напряженность международной обстановки. Японские милитаристские круги стремились сделать ставку на войну, как на выход из внутриполитических затруднений и экономических трудностей. В этих условиях Советское правительство поставило перед своими дипломатами в Японии задачу создать более здоровую атмосферу во взаимоотношениях с Японией и активно бороться против возможного развязывания японской военщиной войны против СССР.

⁴ АВП СССР, ф. 146, п. 10, д. 115, л. 89—91.

Большую роль приобретали личные контакты с представителями самых различных слоев японского общества. Трояновский охотно делал визиты, принимал у себя, использовал для встреч и бесед даже такие устраивавшиеся в императорском дворце мероприятия, как ловля диких уток сачками, ловля рыбы с помощью дрессированных бакланов. Весной во время цветения вишни, а осенью — хризантем в императорском парке устраивались приемы, на которые приглашалось до 8 тыс. человек.

Часто Трояновский получал приглашения различных клубов и выступал на их заседаниях. На одном из собраний Тихоокеанского клуба он сказал:

— Надежды многих народов, я бы сказал, всего мира, обращены сейчас к Великому океану. Я думаю, что выражу мнение всех здесь присутствующих, выразив мое сердечное пожелание, чтобы Великий океан всегда оставался Тихим, без бурь и волнений⁵.

Принимая в посольстве представителей японской прессы, Трояновский подчеркнул:

— Я ни на один момент не сомневаюсь, что при различии экономических систем СССР и Японии ваша страна может развивать дружеские отношения с Советским Союзом гораздо легче, чем это было с царской Россией.

Во время продолжительной беседы с Нома, «королем» японских издателей, советский посол сумел заинтересовать его идеей советско-японского сближения. Нома предложил Трояновскому сотрудничество в принадлежавших ему журналах. Трояновский вскоре написал статью о советско-японских отношениях, которая тут же была напечатана. Советский полпред пропагандировал развитие широких связей и взаимовыгодной торговли с Советским Союзом, и это находило все больше сторонников в деловых кругах Японии.

В феврале 1929 г. в полуофициозе министерства иностранных дел Японии «Дипломатическое обозрение» появилась статья известного японского журналиста Хандзава «Следует ли порвать отношения между Японией и Россией?» После ее опубликования Хандзава предложил Трояновскому ответить на нее. И Трояновский написал статью «Дружба или вражда?», в которой отмечал, что вражда не принесла пользы ни одной из заинтересованных сторон, в то время как дружба несет в себе взаимные выгоды, как политического, так и экономического характера.

Выдержки из этой статьи были перепечатаны во многих газетах с одобрительными комментариями. Затем ее издали отдельной брошюрой, и она широко разошлась по всей Японии. Выступления советского полпреда в прессе воспринимались как заявления Советского правительства. В ряде газет стали появляться статьи под заголовками «Пересмотр чувств по отношению к России», «В сторону экономического расширения», «Бросьте боязнь» и т. п.

В июле 1929 г. пал кабинет Танака. К власти пришло правительство Хамагути, лидера партии «Минсейто», которую поддерживал гигантский концерн Мицубиси. Министром иностранных дел был назначен Сидэхара, бывший посол Японии в США. Александр Антонович считал его одним из наиболее компетентных японских дипломатов.

Много лет спустя, возвращаясь в своих работах к этим годам, Трояновский писал, что советско-японские отношения развивались тогда «вполне нормально». Вступила в действие советско-японская рыболовная конвенция, активизировалась деятельность угольной и нефтяной японских концессий на Сахалине. Неуклонно развивались торговые отношения. Экспорт и импорт составляли одинаковую и довольно высокую по тем временам сумму — 15 млн. иен. В торговые отношения с нашей страной вступили крупнейшие японские фирмы «Мицуйи», «Мицубиси» и др.

РЫБОЛОВНАЯ КОНВЕНЦИЯ

Рыба в Японии — важный продукт питания, корм для скота и птицы, сырье для производства удобрений. Рыболовный промысел на Дальнем Востоке играл очень большую роль во взаимоотношениях между Японией и СССР.

После изгнания Красной Армией японских интервентов с Дальнего Востока японские рыбопромышленники, пользуясь отсутствием советского флота на Охотском море,

⁵ АВП СССР, ф. 203, п. 11, д. 120, л. 8.

бесконтрольно хозяйничали в зоне территориальных вод Советского государства. В марте 1923 г. правительство СССР издало декрет, предоставлявший право иностранцам брать в аренду рыболовные участки в наших водах. Твердая позиция Советского государства вынудила японских рыбопромышленников принять его законные требования, и 24 мая 1923 г. в Токио было подписано соглашение о сдаче японцам в аренду 255 участков для ловли рыбы. Однако японские рыбопромышленники продолжали хищнический лов рыбы, нарушая условия соглашения, и в конце 1925 г. по инициативе Советского правительства начались переговоры о заключении рыболовной конвенции. Они были долгими и трудными. Только в январе 1928 г. состоялось ее подписание. Условия соглашения, предоставляющие право получать рыболовные участки в дальневосточных водах Советского государства с публичных торгов при полном осуществлении его суверенитета над территориальными водами, не устраивали японских рыбопромышленников. Под их давлением японские власти преднамеренно задерживали ратификацию конвенции, надеясь этим путем вынудить Советское правительство пойти на уступки.

Трояновский назвал эту тактику «нахальной». Ведя переговоры, он старался проявлять максимум терпения, но в то же время давал понять, что по принципиальным вопросам уступок не будет. 23 мая 1928 г. состоялся обмен ратификационными грамотами ⁶.

В конце августа Александр Антонович выехал на остров Хоккайдо, чтобы на месте ознакомиться с рыболовными промыслами.

Хоккайдо — второй по величине остров Японии с большими экономическими перспективами, главный рыболовный центр страны. До 20 тыс. рыбаков выходило ежегодно на промысел в направлении Камчатки и Советского Приморья.

Советское правительство приняло решение увеличить кредиты на развитие рыболовного промысла на Дальнем Востоке. Одновременно был усилен контроль за японскими рыбаками, пытавшимися продолжать хищнический лов незаконным образом. В ответ японские рыбопромышленники начали провоцировать конфликты в районах лова, стали нарушать пограничный режим советских вод и военные корабли Японии.

Снова возникла волна антисоветских выступлений. Все чаще в буржуазной прессе раздавались призывы к «свободному рыболовству» в советских водах. Японский посол в Москве Хирота передал заместителю наркома иностранных дел СССР Л. М. Карахану заявление своего правительства, в котором говорилось, что в таких условиях правительству Японии будет «трудно оказать какое-либо влияние на дружественные отношения между двумя государствами» ⁷. В городе Хакодате на острове Хоккайдо рыбопромышленники призывали население «мобилизоваться для войны с Советским Союзом и оказывать полное содействие японским рыбопромышленникам при выходе их на свободный рыболовный промысел» ⁸. На следующий день верхняя палата японского парламента приняла резолюцию о «защите рыболовных прав Японии в северных морях» и потребовала от правительства проведения «твердой политики против СССР» ⁹.

НКИД СССР выступил с решительным протестом против разнузданной кампании, которую вели влиятельные круги японских рыбопромышленников после подписания рыболовной конвенции. В заявлении Советского правительства выражалась также надежда, что японское правительство примет необходимые меры для урегулирования всех спорных вопросов на основе уважения интересов обеих сторон.

13 августа 1932 г. между СССР и Японией было подписано соглашение, закреплявшее за японцами на четыре года большинство арендуемых ими участков без включения этих участков в ежегодные торги. Это соглашение было встречено в Японии с большим удовлетворением, и пресса отмечала значительность той роли, которую сыграл советский полпред А. А. Трояновский в урегулировании столь трудного во взаимоотношениях двух стран вопроса.

Трояновский обладал редким даром видеть развитие событий дальше сегодняшнего дня, поэтому он умел выжидать, не принимать скоропалительных решений, но, когда решение было принято, был принципиален и непреклонен. Руководство НКИД СССР ценило его мнение и советовалось с ним.

⁶ АВП СССР, ф. 203, п. 11, д. 120, л. 90.

⁷ «Документы внешней политики СССР» (далее — ДВП СССР), т. XIV, стр. 110.

⁸ Там же, примечание к документу № 73.

⁹ «Известия». 18.III.1931.

В правительственных и военных кругах Японии в начале 30-х годов усилились националистические и агрессивные настроения. 18 сентября 1931 г. регулярные японские войска напали на Северо-Восточный Китай. Правительство Японии ушло в отставку, и власть фактически перешла в руки военных. Военным министром был назначен генерал Араки, заядлый фашист, один из активных участников интервенции на Дальнем Востоке в 1918—1922 гг. В стране началась «антисоветская свистопляска», как называл этот период А. А. Трояновский.

Осуждая японскую агрессию против Китая, Советское правительство в то же время стремилось предупредить обострение советско-японских отношений. Воспользовавшись пребыванием в Москве, проездом из Парижа в Токио, вновь назначенного министром иностранных дел Японии Иосидзава, Советское правительство сделало ему предложение о заключении пакта о ненападении между СССР и Японией. Иосидзава уклонился от ответа. Одновременно полпред СССР в Токио, беседуя с представителями правительственных кругов, сообщил, что Советское правительство готово рассмотреть вопрос о заключении экономического соглашения. Трояновский часто встречался с представителями военных кругов как армии, так и флота, побуждая генералов в ходе бесед формулировать свое мнение о советско-японских отношениях. Так адмирал Като признался, что сторонники разрыва отношений с Советским Союзом чрезвычайно активны, но заверил Трояновского, что сделает со своей стороны все, чтобы не была спровоцирована война. Генерал Койсо, фактически управлявший военным министерством, после полуторачасовой беседы обещал советскому полпреду действовать в духе укрепления мирных отношений между обеими странами.

Умение Трояновского показать собеседнику реальную картину настоящего и возможные последствия тех или иных действий, его убежденность, спокойная уверенность в правоте своей точки зрения — все это сыграло немалую роль в проведении в жизнь принципов советской мирной внешней политики. Анализируя события, Трояновский писал в НКВД СССР: «Это не значит, что мы гарантированы от военного конфликта. Опасность его очень велика, когда японская «линия обороны» вплотную приблизилась к нашим границам. Какое-нибудь незначительное изменение международной ситуации легко может создать военную обстановку, тем более, что охотников втянуть нас в войну найдется сколько угодно. Из этого следует, что мы должны быть настороже»¹⁰.

15 мая 1932 г. в столице Японии было произведено несколько террористических актов против официальных лиц и членов японского правительства. Премьер-министр Инукаи получил в результате налета фашистских головорезов на его резиденцию тяжелое ранение и на следующий день скончался. Во главе нового кабинета встал Сайто, считавшийся в Японии лучшим знатоком Советского Союза, но как политический и общественный деятель чрезвычайно пассивный. Пост военного министра был сохранен за генералом Араки, «солдатом с ног до головы». Новое правительство взяло курс на подавление всяких революционных и антивоенных настроений в стране. Антисоветская кампания усилилась.

В полпредстве были приняты меры против возможных провокаций: отменены поездки сотрудников по стране, прогулки за город, временно прекращены занятия в школе, закрыты детские ясли.

Трояновский снова делает доклады о миролюбивой политике Советского Союза, о созидательном труде советского народа, о жизненной необходимости укрепления дружественных отношений между Японией и СССР. В течение лета он выступил на пресс-конференции в полпредстве, организованной для заведующих иностранными отделами крупных газет и журналов Японии; на ежегодном собрании японо-советского общества по культурным связям, почетным патроном которого был принц Канъин, он же начальник генерального штаба японской армии; в редакции журнала «Даймонд».

15 сентября 1932 г. Трояновский встретился с министром иностранных дел Японии Утида, бывшим послом в России, где его застала Великая Октябрьская социалистическая революция. 1(14) января 1918 г. он лично видел В. И. Ленина на дипломатическом приеме в Смольном, где дуаиен дипломатического корпуса американский посол Френсис представил его в числе других дипломатов В. И. Ленину.

¹⁰ ДВП СССР, т. XV, док. № 145.

На вопрос Трояновского, как пужно понимать усиленно распространяющиеся слухи о предстоящей войне с СССР, Утида уклончиво ответил, что слухам не стоит верить, что военные, естественно, всегда говорят о войне, что сейчас не время говорить о заключении пакта о ненападении.

Трояновский решил встретиться с военным министром, генералом Араки. Генерал Араки принадлежал к архиправой группировке в правительстве, в речах проповедовал фашизм и призывал к войне с Советским Союзом. Первый раз Араки принял советского полпреда в министерстве, второй раз усебя дома. Эти встречи оказали большое влияние на настроение общественности. В японской прессе, внимательно следившей за действиями советского полпреда, делались предположения, что «полпред обсуждал с военным министром серьезные вопросы не без успеха».

В ноябре 1932 г. влиятельный журнал «Тюо-Корон» опубликовал статью Трояновского о причинах возникновения войн и об отсутствии неразрешимых противоречий между Японией и СССР. Его опыт, оценка обстановки и результаты бесед с руководящими деятелями японского правительства позволяли ему сказать японскому народу о возможности мира.

ИСКУССТВО ПЕРЕДАЕТСЯ ОТ СЕРДЦА К СЕРДЦУ

Много внимания и сил уделял Александр Антонович развитию и укреплению советско-японских культурных связей.

Вскоре после приезда в Токио он выступает в одном из японских клубов перед представителями прессы. В частности, он сказал:

— Искусство передается от сердца к сердцу, связи в культурной области окажут добрую службу делу дружбы наших народов.

Александр Антонович любил литературу и живопись, музыку и театр. Он глубоко верил в силу искусства, способную разрушить барьеры, которые не всегда могли преодолеть политика и торговля.

Еще в Москве перед отъездом в Японию А. А. Трояновский в беседе с Г. В. Чичериным высказал мысль о приглашении в СССР японского театра «Кабуки».

— Это интересно, — заявил тогда Георгий Васильевич, — но нужно посмотреть на месте. Насколько я знаю, ни один театр Японии еще не выезжал на заграничные гастроли.

«Кабуки» в буквальном переводе означает «искусство песни и танца». История этого театра насчитывает около 300 лет. Он необыкновенно самобытен, обладает непревзойденной постановочной техникой и высоким исполнительским мастерством. Все роли, как мужские, так и женские, исполняют только мужчины. Большое значение в спектаклях имеет музыкальное сопровождение.

Переговоры о предстоявших гастролях «Кабуки» в Советском Союзе были сопряжены с определенными трудностями, так как антисоветские элементы активно выступали против этой поездки, идя на прямые угрозы в адрес артистов в случае их согласия. Сложность заключалась еще и в том, что пьесы в театре шли только на древнеяпонском языке, даже не все японцы понимали текст. Трояновский считал, что поездка театра в СССР будет иметь большое не только культурное, но и политическое значение.

Он послал в редакцию газеты «Правда» статью о театре «Кабуки», предлагая всем москвичам и ленинградцам посмотреть на это «редкое и замечательное зрелище»¹¹. В то же время он устроил в полпредстве большой прием для японских артистов, где выступил перед гостями с докладом о творчестве Станиславского, Немировича-Данченко и Мейерхольда.

В августе 1928 г. внимание москвичей привлекли необычные театральные афиши и бумажные фонарики, украсившие фасад здания Второго Художественного театра на Театральной площади. Москва, а затем Ленинград с интересом знакомились с национальным искусством Японии. Гастроли театра «Кабуки» прошли с большим успехом.

Крайние милитаристские группировки Японии провокационно объявили артистов «Кабуки» изменниками родины. На первый спектакль театра после его возвращения в Токио фашиствующие хулиганы принесли в зрительный зал корзины со змеями... На-

¹¹ «Правда», 27.VII.1928.

алась паника. Спектакль был сорван. Но это не остановило артистов. Они пользовались любым случаем, чтобы рассказать соотечественникам о том, что они видели в Советском Союзе, как их принимала публика. Несмотря на угрозы фашиствующих молодчиков, группа в полном составе пришла на прием в советское полпредство по случаю годовщины Великого Октября.

С немалым энтузиазмом Александр Антонович занимался и организацией выставки японской детской книги в Москве. Издательское дело в Японии хорошо развито, а детские книги привлекают простотой и изяществом оформления, прекрасными иллюстрациями, крупным шрифтом. В посольстве был дан обед, на который были приглашены детские писатели, литературоведы и издатели детской литературы. На следующий день японские газеты сообщали, что «советский посол создал еще один круг своих друзей — дедушек японской сказки».

Один из таких «дедушек», известный в Японии библиофил, ученый Фудзисава, пригласил к себе Трояновского и познакомил со своей библиотекой. Фудзисава бережно брал книгу за книгой с полки, показывал их гостю. Не книги, а настоящие уникумы! Были книги, отпечатанные на тонкой, необыкновенно прочной бумаге, богато оформленные с золотым тиснением на сафьяновых переплетах, были книги, изданные просто и рассказанные на широкого читателя.

— Я отобрал для выставки в Москве, — сказал Фудзисава, — около 1200 книг. Среди них есть издания 300-летней давности... Но я готов доверить свою коллекцию московской выставке, так как понимаю, что такая выставка будет способствовать взаимопониманию между нашими странами. Это так важно, чтобы люди понимали друг друга, тогда меньше будет зла в мире...

Союз токийских книготорговцев выпустил специальный циркуляр, посвященный выставке, с призывом ко всем японцам сделать вклад в ее фонд. За несколько дней в комитет по организации выставки поступили книги от 160 японских книжных фирм, не считая поступлений от отдельных граждан. Выставка японских детских книг в Москве имела огромный успех.

В сентябре 1930 г. при активном участии Трояновского была организована поездка в Советский Союз известного японского дирижера Хидемаро Коноэ. Когда дирижер вернулся в Токио после успешных гастролей в Москве, токийский вокзал был переполнен людьми, собравшимися встретить его. На следующий день Коноэ нанес визит советскому полпреду и горячо благодарил за предоставленную возможность выступить перед советскими любителями музыки. Коноэ был глубоко взволнован приемом, который оказала ему музыкальная Москва.

— Великолепно! — воскликнул Александр Антонович, — вот и попробуйте рассказать обо всем этом японской публике. Помогите рассеять те предубеждения по отношению к Советскому Союзу, которые живут в Японии... Вам японцы поверят скорее, чем мне, неправда ли? — шутливо добавил он.

Вскоре Коноэ начал цикл лекций о Советском Союзе, каким он его видел. А Трояновский выступал на собрании выпускников института иностранных языков, призывая молодых японцев беречь мир; на собрании японской общественности о жизни и творчестве Максима Горького; на вечере деятелей культуры о развитии советского кино. Добрые семена падали на благодатную почву и давали ростки. Силами японских артистов были поставлены отдельные сцены из пьесы Горького «На дне». На японских экранах появились советские фильмы, в частности, «Путевка в жизнь».

Большим событием явился заход в порт Йокагама ледокола «Сибиряков», совершавшего сквозное плавание по Северному Ледовитому океану в течение одной навигации. Во время шторма у ледокола был сломан гребной винт, и 4 ноября 1932 г. корабль зашел в японский порт, чтобы исправить повреждение. Прославленный советский ледокол в японском порту! Прием, оказанный участникам арктической экспедиции японским правительством и общественностью, превзошел все ожидания. Руководитель экспедиции О. Ю. Шмидт и профессор В. Ю. Визе были приняты премьер-министром Сайто и министром иностранных дел Утида. Сибиряковцы выступали с лекциями о своем походе. Редакция газеты «Асахи» устроила выставку, посвященную героическому походу «Сибирякова», их наперебой приглашали в гости. Уезжая, сибиряковцы подарили императору Японии белого медвежонка, который был передан в городской зоологический сад.

Японские газеты на следующий день после ухода советского ледокола из порта поместили статьи под крупными заголовками «Да здравствуют героические сибиряковцы!». «Да здравствует сломанный винт «Сибирякова!»).

К советскому полпреду обратились с просьбой выступить на заседании императорского географического общества с докладом о значении подобных путешествий для развития национальных и мировых наук, что он и сделал с большим удовольствием.

ДИПЛОМАТИЧЕСКАЯ ПЯТИЛЕТКА

Шел пятый год пребывания Трояновского на посту полпреда СССР в Японии. К этому времени Трояновский стал дуаиеном дипломатического корпуса. Сколько было сделано! И все казалось мало. Александр Антонович отдавал много сил воспитанию молодых сотрудников советского полпредства. По его инициативе был организован кружок японоведения и изучения японского языка. Он сам регулярно выступал на занятиях кружка, делал все, чтобы привить молодым дипломатам вкус к глубокому и тщательному изучению страны пребывания, ее обычаев, культуры, экономики. Он считал, что, только изучив страну и поняв ее, можно успешно решать сложные задачи, возложенные на советских дипломатов.

Продолжительное пребывание в стране, где летняя жара сменялась жестокими морозами, а палящее солнце — снежными метелями, где влажный воздух, пропитанный коричневой пылью, проникал во все щели — все это сильно отразилось на здоровье Александра Антоновича. Снова появилась бессонница. Обострилось малокровие. В его письмах в НКВД все чаще проскальзывали несвойственные ему нотки: «Мое состояние все время ухудшается». «У меня острое малокровие». «Мне надо уезжать. Болею».

19 января 1933 г. японское правительство было официально уведомлено об отъезде Трояновского. В эти последние дни стало особенно ясно, насколько высока была популярность советского полпреда. Газета «Дзи-Дзи» отмечала: «Надо признать достоинства и способности Трояновского, который правильно проводил дипломатическую линию своего правительства, должным образом оценен Японией и, смеем сказать, довел до конца свои ответственные функции».

Корреспондент «New York Times» писал из Токио: «Его неизменная высокая нравственность завоевала ему доверие официальных лиц, и он успешно достиг улучшения отношений как в официальных кругах, так и вне их. Он поддерживал знакомства с писателями, художниками и журналистами, и атмосфера, создававшаяся в этих кругах, породила определенную симпатию к России».

Клуб журналистов в Токио обратился к Трояновскому с просьбой выступить на одном из заседаний клуба с лекцией о задачах современной дипломатии и технике работы дипломата, так как в журналистских кругах Трояновский слыл «образцом дипломата и человека».

17 февраля 1933 г. перрон токийского вокзала переполнен. Советского полпреда провожали представители министерства иностранных дел Японии, деловых и промышленных кругов, деятели культуры, в полном составе дипкорпус. Рукопожатия, пожелания, улыбки, добрые слова...

Несмотря на огромную усталость и недомогание, он нашел в себе силы на обратном пути на родину останавливаться во многих городах Сибири и читать лекции о внешней политике Советского государства, о советско-японских отношениях. Лекции на родном языке, своему народу.

Окончание следует